

МАДАМ ДЕ СЕВИНЬЕ

Избранные письма

ПАЛ Ы М И Р А
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 821.133.1+82-6
ББК 84(4Фра=471.1)
С28

Печатается по изданию 1903 года

Севинье де, мадам

С28 Избранные письма / [пер. с фр. ; сост., примеч. и указ. Н. Лавуа]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 302 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-09508-4

«Первая во всем своем столетии по эпистолярному стилю», — такую высокую оценку дал Вольтер Мари Рабютен-Шанталь, мадам де Севинье (1626–1696). Большую часть жизни она прожила в Париже, наблюдая его жизнь, общаясь с великими современниками. Со многими из них она вела переписку, но главным ее адресатом стала любимая дочь, после замужества уехавшая в Прованс. Письма, исполненные материнской заботы, одновременно с тем отразили обширную хронику эпохи — политическую, светскую и культурную жизнь Франции XVII столетия. Подробные и красочные свидетельства мадам де Севинье впоследствии не раз служили источниками сюжетов для великих писателей, в частности для А. Дюма и Марселя Пруста. Помимо исторической ценности, эпистолярный отличает ясный, изящный и выразительный слог, представляющий прекрасный образец искусства галантной беседы — «causerie».

Избранные письма мадам де Севинье публикуются по русскому изданию 1903 года.

УДК 821.133.1+82-6
ББК 84(4Фра=471.1)

© Лавуа Н., составление, примечания, 2023
© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

ISBN 978-5-517-09508-4

1. Господину де Помпону

Сегодня, 17 ноября 1664 года, Фуке вновь занял скамью подсудимых. Он непринужденно сел, как и в первый раз. Канцлер велел ему поднять руку, на что Фуке ответил: «Я уже заявил о причине, которая не позволяет мне принести присягу». Тогда канцлер долго говорил о законности властей, о том, что палату установил король и что полномочия ее проверены верховными собраниями. Фуке ответил, что власть часто делала вещи, которые впоследствии, по спокойном размышлении, сама признавала несправедливыми.

Канцлер прервал его:

— Как! Вы говорите, что король злоупотребляет властью?

Фуке ответил:

— Не я это говорю, а вы! Моя мысль была другая, и я удивляюсь только вашему желанию ссорить меня с королем, когда я нахожусь в таком положении. Но ведь вы, сударь, вы сами хорошо знаете, что иногда можно заблуждаться. Вы подписываете приговор — вы уверены в его справедливости, а на следующий день вы же сами его кассируете, — очевидно, можно изменить свое мнение.

— Однако, — сказал канцлер, — вы не признаете власти палаты, между тем вы ей отвечаете, подаете ей прошения и сидите на скамье подсудимых.

— Правда, — ответил он, — я нахожусь здесь, но это не по доброй воле — меня сюда приводят. Есть власть, которой надо повиноваться, и я считаю это унижением, посланным мне рукою Бога. Меня, впрочем, могли бы освободить от него ввиду услуг, которые я оказал, и тех должностей, которые я имел честь занимать.

После этого канцлер продолжал допрос по соляному налогу. Фуке дал очень хорошие ответы. Допрос продолжится. Я буду посылать вам отчет обо всем. Хотела бы только знать, получаете ли вы все мои письма. Прощайте, чувствую, что начинаю болтать, и не хочу этому поддаваться — слог донесений должен быть краток.

2. Господину де Помпону

Четверг, 20 ноября 1664 года

Сегодня утром Фуке был допрошен о золотой валюте (*Marcs d'or*). Он отвечал на все превосходно. Многие судьи поклонились ему; канцлер упрекнул их за это и сказал, что бретонцам не подобает так поступать.

— Вы потому так низко поклонились Фуке, что вы из Бретани.

Фуке, проходя через арсенал, чтобы прогуляться пешком, спросил, что это за рабочие, которых он видит. Ему ответили, что рабочие сооружают бассейн для фонтана. Он подошел и сказал им свое мнение о работе. Затем, обратившись к д'Артаньяну, смеясь, сказал:

— Вы, вероятно, удивляетесь тому, что я этим интересуюсь. Дело в том, что я когда-то был знатоком таких работ.

Люди, любящие Фуке, находят спокойствие его достойным удивления; я принадлежу к их числу; другие же говорят, что это рисовка с его стороны. Таков свет. Г-жа Фуке-мать дала королеве пластырь, выле-

чивший ее от судорог, которые бывали с нею вследствие истерии.

Многие воображают, что королева из благодарности будет просить у короля помилования для бедного узника; я же, зная немного мягкость нравов этой страны, этому совсем не верю. Удивительнее всего шум, поднятый всеми по поводу пластыря. Толкуют, что г-жа Фуке святая и творит чудеса. Сегодня, 21-го, допрашивали Фуке о налоге на воск и сахар. Он потерял терпение при некоторых вопросах, казавшихся ему смешными. Он горячился и отвечал несколько высокомерно, что не понравилось судьям. Впрочем, он поправил свою ошибку, так как эта манера нехороша. Но порой ему действительно недостает терпения. Мне кажется, что я на его месте поступила бы так же.

Суббота вечером

Фуке явился сегодня в палату; его допрашивали о пошлинах. Атака была слабой. Между нами говоря, это одно из самых тонких мест его процесса. Он очень хорошо защищался. Не знаю, какой добрый ангел надумил его отказаться от гордости. Сегодня он более не был горд, и судьи перестали ему кланяться. Заседание возобновится лишь в среду; в тот же день я вам напишу. Впрочем, если вы будете продолжать жалеть, что мне выпал труд писать вам, и просить перестать, то я наконец решу, что вам самому наскучило читать мои послания и отвечать на них. Поэтому я вам обещаю сократить мои письма как сумею и при всей любви моей к вашим письмам освобождаю вас от ответов. После таких заявлений у вас, кажется, не остается и тени надежды на прекращение переписки. Доставляя вам маленькое удовольствие, я себе доставляю большое. У меня так мало случаев выразить вам мое уважение и дружбу, что я не желаю упустить того, что мне представился. Передавайте мои приветы вашим домашним и соседям. Королева заметно поправляется.

3. Господину де Помпону

Понедельник, 24 ноября 1664 года

Если верить своему сердцу, то я должна быть вам бесконечно благодарна за внимание, с которым вы относитесь к моим сообщениям. Поверьте мне, я пишу вам письма, и это меня утешает. Писать вам доставляет мне больше удовольствия, чем вам — читать мои письма. Возбужденные ими чувства всегда неподдельны. Надежда свойственна каждому, хотя мы не знаем, почему надежда поддерживает сердце. Два дня тому назад я обедала в Сент-Мори-де-Сент-Антуан; аббатиса передала, что Пюи... навестил ее четыре раза в течение трех месяцев. Это обстоятельство крайне удивляет меня. Он рассказывал ей, что епископ Женевский (Франциск Сальский) вымолил для него необыкновенную милость во время своей болезни летом, за что он преисполнен благодарности к епископу. Он просил ее помолиться за него со всей общиной; дал тысячу экю, чтобы исполнить свой обет, и просил показать ему сердце блаженного. Приблизившись к алтарю, он упал на колени и в течение четверти часа заливался слезами. Он взывал к сердцу, умоляя его уделить и ему искру той пламенной любви к Богу, которая в нем горела. Игуменья также плакала. Она дала ему мощи святого. Он их постоянно носит на себе. Во время своих четырех посещений он казался столь поглощенным желанием своего спасения, так далек от двора, что и более тонкая особа, чем аббатиса, могла быть введена в заблуждение. Она ловко заговорила о деле Фуке. Он ответил, как человек, занятый только Богом, что он ничего не знает, что там видно будет и что ему оказано будет правосудие согласно велениям Господа. Ничто в жизни меня не удивляет больше, чем этот разговор. Если вы спросите мое мнение об этом, то я отвечу, что я ничего не понимаю; непостижимо, к чему вся эта комедия, а если это все серьезно, то опять невозможно согласовать все его поступки в этом деле с его возвы-

шенными словами. Вот одна из тех вещей, которую объяснит только время, ибо сами по себе они темны; однако не говорите никому об этом, потому что аббатиса просила меня не распространять этой маленькой истории.

Я видела мать Фуке; она мне рассказала, каким образом она доставила королеве пластырь через г-жу де Шаро.

Верно, что действие его было поразительно: меньше чем через час королева почувствовала облегчение в голове, и открылось необычайное истечение чего-то испорченного, способного причинить ей смерть не позже чем в следующую ночь. Во время припадка сама королева сказала вслух: «Г-жа Фуке исцелила меня. То, от чего она меня освободила, было единственной причиной судорог, от которых я думала, что умру прошлой ночью». Королева-мать была в этом убеждена и сказала об этом королю, который пропустил слова мимо ушей. Доктора́, в отсутствие которых прикладывали пластырь, своего мнения не высказали и продолжали лечение в ущерб истине. В тот же день король пренебрег бедными женщинами, бросившими к его ногам; однако правда живет в сердце. Вот еще одна из тех вещей, объяснения которых надо терпеливо ждать.

Среда, 26 ноября

Сегодня утром канцлер допрашивал Фуке, но совсем в другом духе: кажется, он пристыжен, что ему приходится вести допрос по указке Б. Он просил докладчика прочесть статью, по которой хотели допрашивать обвиняемого; докладчик читал так долго, что уже было половина одиннадцатого, когда кончилось чтение. Он сказал: «Введите Фуке», тут же поправился: «Г-на Фуке». Но оказалось, что вовсе забыл распорядиться, чтобы его привели из Бастилии. Пришлось послать за ним, и он явился лишь в одиннадцать часов. Его допросили о пошлинах; он давал прекрасные объ-

яснения, но все-таки запутал некоторые числа, причем судьи легко бы могли его смутить, если бы были более ловки и внимательны, но, вместо того чтобы быть настороже, канцлер дремал; все переглядывались, и я думаю, наш друг тоже охотно посмеялся бы, если бы посмел. Наконец канцлер очнулся и продолжал допрос. Хотя Фуке чересчур напирал на довод, который легко могли опровергнуть, ему все же удалось удержать-ся, потому что в своем несчастье он имеет известную долю счастья, которая принадлежит единственно ему. Если постоянно будут так медлить, как сегодня, то процесс продолжится бесконечное время.

Я буду писать вам всякий вечер, но отсылать письма смогу только в субботу вечером или в воскресенье. Они вам дадут отчет о четверге, пятнице и субботе. Нужно будет доставить вам еще одно в четверг, которое познакомило бы вас с заседаниями понедельника, вторника и среды; таким образом, письма мои не заставят себя ждать. Прошу вас передать мои поклоны вашему отшельнику и вашей дражайшей половине. Я не спрашиваю о вашей соседке — вскоре мне придется давать вам сведения о ней.

4. Господину де Помпону

Четверг, 27 ноября 1664 года

Сегодня продолжали допрос о пошлинах. Канцлер всерьез намеревался довести Фуке до крайности и смутить его. Но ему это не удалось. Фуке отделался от него отлично, вернувшись только в одиннадцать часов, потому что канцлер заставил читать докладчика, как я уже писала, и, несмотря на всю свою святость, он говорил самое худое о нашем бедном друге. Докладчик держал его сторону, потому что канцлер говорил одно-сторонне; наконец он сказал: «Вот пункт, на который обвиняемый не будет в состоянии ответить». Докладчик возразил: «О сударь, для этого пункта есть плас-